

УДК 94(470+571)"1935/1938":329

ИСПОВЕДИ, ПРОПОВЕДИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ НА ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЯХ 1936 – 1938 ГОДОВ

О. Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры, 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
oleg.leibov@gmail.com

На основании архивных материалов рассматривается статус партийных собраний во время Большого террора (1936 – 1938 гг.). Согласно авторской гипотезе исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях являлись моделями террористических практик 1936 – 1938 гг. Язык партийных собраний и язык следственных документов того времени обнаруживают далеко идущее сходство: и в лексике, и в тематике, и в оценках. В их общем политическом нарративе проявляются меняющиеся сценарии власти. Партийные собрания, сохранившие уставную форму, коренным образом поменяли свои функции: из инструмента нормализации они превратились в орудие политического самоистребления.

Ключевые слова: Большой террор 1936 – 1938 гг., ВКП(б), партийные собрания, язык власти.

Просматривая протоколы партийных собраний и допросов исключенных из партии коммунистов в 1936 – 1938 гг., невольно обращаешь внимание на удивительное сходство формулировок, сюжетов и оценок, содержащихся в разных по типу документах. Часто подследственному задавали те же самые вопросы, которые он уже слышал от своих товарищей по организации неделю или месяц назад. В дальнейшем следователи такие совпадения объясняли директивами начальства: прежде чем приступить к допросам только что арестованного партийного работника, следовало найти компрометирующие материалы в партийных архивах. «Выполняя это указание, – докладывал следователь Чусовского райотдела НКВД, – я просматривал протоколы собраний, партийных активов и выбирал выступления, в которых упоминалась фамилия Мальцева»¹. Тождество обвинений, однако, трудно объяснить только желанием следователей сэкономить время, воспользовавшись готовыми формулами обвинения. Важно понять, почему они вообще могли их заимствовать из материалов партийных собраний, как могло произойти слияние партийной критики и самокритики с пунктами обвинения в преступлениях против государства или, как тогда писали в казенных бумагах карательного ведомства, «с преступлениями, предусмотренными п.п. 58 ст. УК РСФСР».

Так и была найдена исследовательская проблема: выяснить статус партийных собраний в Большом терроре 1936 – 1938 гг., точнее, в террористических практиках, направленных против партийных кадров. Эти практики были составной частью «масштабного предприятия по социальной инженерии, поэтапно осуществлявшегося в тридцатые годы» [Верт, 2010, с.258], хотя являлись далеко не самыми массовыми, но по значимости едва ли не первостепенными, поскольку именно они позволили поставить под сомнение укоренившийся в предшествующее десятилетие социальный порядок.

В современной историографии «партийная» тема в терроре может быть рассмотрена в трех проекциях – антропологической (А. Kriegel, А. Блюм), институциональной (Н. Верт, В. Роговин, А. Колдушко, В. Голдман), герменевтической (I.Halfin).

Представители антропологической школы обнаруживают связь между двумя этапами «инквизиционного» процесса в процедурах обращения с жертвой. В исследовании А. Кригель выявляется роль партийных ритуалов в процессе «саморазоблачения», завершающегося утратой ею политической и социальной идентичности [Kriegel, 1972]. А. Блюм реконструирует техники «криминализации повседневности», используемые карательными и партийными инстанциями. «С этой точки зрения большой террор представляет собой момент временного и структурного сжатия, компрессии, в ходе которой происходит максимальное упрощение репрессивных процессов, шедших с 1928 года. В 1937 г. сохраняются и осуществляются согласно выработанным ранее принципам все этапы движения по цепочке: подозрения, обвинения, следствие, суд, включая возможные, но не обязательные публичные процессы. Теперь, однако, они выполняются в сжатом до несколько их очень коротких моментов виде, которые иногда накладываются друг на друга или смешиваются, тогда

как в начале 1930-х гг. они чередовались регулярнее и занимали большие временные отрезки» [Блум, 2011, с. 90 – 91].

Институциональная школа объединяет историков разных поколений и мировоззренческих установок, солидарных между собой в том, что партийные чистки предшествовали и сопутствовали политическим репрессиям, партийные организации принимали в них посильное участие, что запустило процесс их самоуничтожения. «Собрания превратились в войну "каждого против всех". Никто не мог остаться незапятнанным – от директора завода до мастера цеха и токаря в калибровочном цеху» [Голдман, 2010, с. 314].

В монографии И. Халфина, посвященной участию партийной организации Ленинградского коммунистического университета в Большом терроре, делается акцент на изучение роли «...дискурса в кровавых событиях 1930-х гг.» [Halfin, 2009, р. 379]. Историк приходит к заключению о том, что все партийцы, безоговорочно принявшие сталинский нарратив, были готовы принести себя в жертву во имя великих целей. В утопическом стремлении «...загнуть жизненную реальность в прокрустово ложе коммунистического порядка» он находит разгадку репрессий [Halfin, 2009, р. 8]². Он настаивает на том, что процедуры партийных чисток и признания в застенках НКВД были звеньями одного и того же процесса.

Последнее положение возьмем в качестве основной исследовательской гипотезы, которую намереваемся проверить, опираясь на материалы следственных дел Пермского горотдела НКВД и протоколы партийных собраний разного уровня – заводских, городских активов, пленумов горкома ВКП(б) в 1936 – 1938 гг.

В соответствии с уставом партии, принятым XVII съездом ВКП(б) в январе 1934 г., основу партии составляли «... первичные партийные организации. Первичные партийные организации создаются на фабриках, заводах, совхозах и прочих хозяйственных предприятиях, в колхозах, МТС, красноармейских частях, в селах, в учреждениях и т. п. при наличии не менее 3 членов партии» [Устав].

О регулярных собраниях членов первичной организации в уставе не говорилось ни слова, но в соответствии с партийной традицией и инструкциями Центрального комитета такие собрания должны были проводиться ежемесячно. В предшествующий Большому террору период партийные собрания служили главным образом инструментом нормализации поведения рядовых членов партии. На них осуждались алкогольные эксцессы, семейное насилие, акты произвола на производстве, а также происходило обучение политических новобранцев большевистскому языку, приобщение к революционной традиции. Кроме того, партийные собрания выступали инструментом мобилизации для решения хозяйственных задач. На собраниях вплоть до 1933 и после 1937 г. происходил прием новых членов и кандидатов в партию.

Каждое собрание протоколировалось; протоколы сверялись, как правило, перепечатывались и хранились сперва в организациях, а затем в областном партийном архиве.

Выступления партийцев записывались техническим секретарем с различной степенью полноты. В архивных папках можно обнаружить и стенографические отчеты (правленные и неправленные), и краткие изложения речей и реплик. Стенограммы очень часто были неполны и неточны. На очередном пленуме Пермского горкома ВКП(б) директор завода им. Сталина И.И. Побережский предварил свое выступление словами: «Товарищи, я вынужден начать со стенографисток. Я считаю, у нас безобразия творятся. Не столько наговоришь, сколько выправлять приходится, надо положить конец таким безобразиям»³.

Иной раз секретарь собрания переносил на бумагу не речь партийца, а свое собственное к ней отношение. Так, в протоколе партсобрания Кизеловского райотдела НКВД оправдания провинившегося большевика были записаны следующим образом:

«Поносов в своем выступлении не стремился признать допущенные им политические проступки и преступления, а все свое выступление построил на прямых двурушнических и обывательских оправданиях, продолжая перед всем партийным собранием скрыть свою связь с врагами народа – шпионами, правыми, кулаками и т.д., пытаясь подтвердить свое двурушническое выступление незнанием и др. оппортунистическими ссылками, не доверяя органам НКВД в верности ареста и виновности его Поносова родственников»⁴.

Тем не менее в протоколах партийных собраний в большей степени, чем в сфабрикованных протоколах допросов подследственных заключенных, прочитываются сценарии власти, уже адап-

тированные к уровню политической и бытовой культуры рядовых партийцев, а с ними и изменения политического словаря, в том числе перевод идеологических формул на повседневный язык.

Судя по содержанию протоколов, во временной интервал между августом 1936 г. и ноябрем 1938 г. партийные собрания изменили свою функцию: из инструментов нормализации они превратились в орудие террора против собственных участников.

Репрессии против ранее неприкасаемого политического класса, истребление целых ведомственных и территориальных кланов («артелей»), криминализация прежде допустимых форм поведения – все это вместе взятое вызвало культурный шок у людей, затронутых этим процессом, заставило их говорить то, о чем в «нормальной» ситуации умалчивалось: о семейных историях, о неожиданных встречах, видеть таинственные и зловещие знаки в повседневных поступках и пр. Стенограммы партийных собраний периода Большого террора хорошо передают эмоциональное состояние общества, во всяком случае, наиболее советской его части: в первую очередь страх, фобии, опасения, злорадство и в значительно меньшей степени ожидания и надежды.

Собрания превратились в поле охоты на врагов народа с партийными билетами. Партийные комитеты всех уровней в течение двух лет нацеливали первичные организации на выполнение именно этой задачи: «Горком только и спрашивал: как у вас дела с выкорчевыванием, сколько поступило заявлений от членов партии и т.п.»⁵.

И городской комитет, и партийные бюро первичных организаций, а с ними и отделы НКВД выполняли распоряжения, поступившие с самых верхов партии. Так, в «закрытом письме» от 29 июля 1936 г., разосланном на места, ЦК ВКП(б) предупреждал, «...что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны – шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т.д.», что «между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой, стерлись всякие грани», и требовал: «...все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке», разъяснял: «...неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он не был замаскирован»⁶.

Затем партийцы прорабатывали доклад Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), в которой могли прочесть, что «сила (современных вредителей, троцкистов. – О.Л.) состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации». Для борьбы с троцкистами необходимы «...новые методы, методы выкорчевывания и разгрома» [Доклад..., 2004, с.101, 103]⁷.

В соответствии с этими прямыми указаниями партийные организации приступили к беспощадной чистке своих рядов. Под ударом оказались сначала три категории членов ВКП(б): люди, когда-то прикосновенные к оппозиции, и те из них, кто в партийных анкетах указывал на свою былую принадлежность к ней, и те, кто постарался вытеснить из памяти свои мимолетные прегрешения: примирительное выступление на партсобрании, сомнение в правомерности репрессивных мер против вождей партии; товарищи по работе и просто знакомые «разоблаченных троцкистов», на партийном языке это называлось просто: «у него есть связи»⁸; наконец, партийцы, когда-то на занятиях в техникуме, вузе или кружке политграмоты допустившие сомнительные политические высказывания, или, иначе, «протаскивание троцкистской пропаганды». Так, один из талантливых конструкторов артиллерийских систем Б.А. Бергер получил партийное взыскание, а затем был исключен из партии и впоследствии осужден за то, что, будучи руководителем кружка в сети партийного просвещения, искажил «...движущие силы Китайской революции: я назвал Советы в Китае диктатурой пролетариата»⁹.

Атмосфера партийных собраний была накалена до предела. С трибуны звучали слова: «мы должны требовать уничтожения троцкистов и правых – реставраторов капитализма»¹⁰.

Соблюдался следующий ритуал. Член партии, принадлежавший некогда к партийной оппозиции или совершивший политические ошибки, должен был обязательно выступить на собрании, разоблачить свои былые преступления: сомнения, уклонения, примиренческие настроения, заклеить врагов партии в прямых выражениях – «бандитами, мерзавцами, подлецами, сволочью, контрреволюционерами».

«Каждый из нас, если он имел в прошлом какие-либо ошибки, первым долгом он обязан по-

ставить в известность партийную организацию», – напоминал своим товарищам по партии инженер-конструктор¹¹.

Отмолчаться значило признать себя врагом. «При обсуждении обвинительного заключения по делу убийства Сергея Мироновича Кирова Баранов нигде не выступал, не определил своего отношения к этому злодейскому убийству, упорно скрывал свою принадлежность к контрреволюционному троцкизму», – читаем в постановлении парткома завода №19 об исключении А.Г. Баранова из рядов ВКП(б)¹². Судьба «раскаявшегося грешника» могла быть разной. Товарищи по организации могли признать его исповедь двурушнической и из партии изгнать, что чаще всего и случалось, но могли и не признать. Человек все равно оставался под подозрением, но партийный билет сохранял до следующей волны разоблачений.

Оправдываться означало проявлять неискренность, отклониться от еще не затверженных новых формул – «использовать трибуну для контрреволюционной агитации». Тот же Б.А. Бергер пояснял на допросе причину исключения из партии: «а впоследствии, выступив по вызову секретаря горкома ВКП(б), не заклеил с должной силой террористов, посягавших на жизнь вождей партии. Произнесенная мною фраза: “Всякий посягнувший хотя бы в мыслях о возможности убийства любимого вождя народа т. Сталина и его соратников, подлежит физическому уничтожению” не являлись достаточными (так в тексте. – *О.Л.*), чтобы заклеить эту банду мерзавцев»¹³. Впрочем, и составленная по всем правилам покаянная речь мало кого убеждала. Общим правилом стало: «на слово б[ывшим] троцкистам не верить»¹⁴.

Одновременно в организациях развернулась настоящая охота на так называемых «двурушников», т.е. партийцев, либо вытеснивших из памяти свои мимолетные сомнения в правильности генеральной линии ВКП(б), неотчетливые симпатии к вождям оппозиции и, значит, «скрывшие их от партии», либо признавших все свои ошибки, но не до конца «разоружившихся», т.е. что-то утаивших из своей политической биографии, или поддерживающих товарищеские связи с бывшими единомышленниками, или сохранивших свои политические убеждения. Двурушником мог оказаться каждый, в особенности же подозрительными были большевики, бывшие участниками или хотя бы свидетелями внутрипартийных схваток 20-х гг. в вузовских, заводских, военных ячейках РКП(б)/ВКП(б).

Разоблачить двурушником стало партийным долгом. Для доказательства вины стали хороши все средства: в ход пошли сплетни, домыслы, обрывки подслушанных разговоров, семейные истории. О них говорили на собраниях, писали в заявлениях.

Партийные собрания продолжались часами, после перерыва возобновлялись на следующий день и зачастую заканчивались глубокой ночью. В одном из постановлений Пермского горкома ВКП(б) было записано: «Считать недопустимым проведение выборных партийных собраний позднее 12 часов ночи»¹⁵, но, судя по протоколам собраний, это решение не исполнялось.

В тесных, прокуренных, плохо убранных помещениях люди находились часами, слушали иступленные речи записных ораторов, яростные перепалки, видели слезы на глазах поверженных начальников, неприкрытое глумление победителей и отчаяние побежденных, ждали обвинений в собственный адрес, сомневались в своих товарищах и даже в себе, совершали странные поступки. А.Г. Баранов говорил жене: «Сейчас надо встать перед зеркалом и посмотреть в зеркало: а не троцкист ли я?»¹⁶.

Заведующий отделом партийной пропаганды, агитации, печати Пермского горкома Г.Ф. Матвеев, по всей видимости, ответил для себя на этот вопрос утвердительно и написал заявление в партийную организацию. В нем он сообщил, что в 1926 г. (ему тогда было 23 года) он на собрании, обсуждавшем решения XIV съезда РКП(б), усомнился в том, нужно ли было Л.Б. Каменева перевести из членов в кандидаты Политбюро, не является ли это зажимом критики. Секретарь ответил, что, нет, все сделано правильно. Матвеев подумал и на следующий день согласился с ним. В анкетах он про свое мимолетное сомнение не писал, а тут вдруг осознал, что совершал двойное преступление перед партией: «в январе 1926 года, когда при обсуждении итогов 14-го партсъезда выступил в защиту троцкистской позиции, и это обстоятельство скрывал до августа месяца 1936 года»¹⁷. Бюро горкома немедленно исключило Г.Ф. Матвеева из ВКП(б) за то, что он «...на протяжении всего периода после XIV-го партийного съезда применял двурушническую тактику по отношению к партии»¹⁸.

Один из партийных активистов, в течение полугода наблюдавший поведение своих товари-

щей, составил собственное представление о них и о себе: «Мы такие кадры, что кандидаты в психолечебницу, а заботы о нас нет»¹⁹.

После оперативного удара по союзным ведомствам и областным партийным учреждениям местные партийные организации приступили к разоблачению в своей среде «хвостов», «корешков» и «подхалимов», иначе говоря, людей свиты павших партийных и хозяйственных вождей, некогда принадлежавших к могущественным кланам народных комиссаров и секретарей обкомов. Процедура разоблачения упростилась: не надо было рыться в партийных документах, читать с пристрастием старые газеты, брошюры или энциклопедии. В ход пошли иные аргументы: поездка в Пермь в вагоне Ю.Л. Пятакова²⁰, работа в аппарате обкома при И.Д. Кабакове²¹, публичная похвала из уст разоблаченного врага народа, даже исполнение служебных обязанностей²².

Был огурулен и язык. Если в начале кампании секретарь Свердловского обкома ВКП(б) объяснял увлечшемуся оратору, что не следует фамильярничать в таком серьезном политическом деле: «Ганька, Колька – это враги народа, контрреволюционеры, это не просто дуралеи, а законченные контрреволюционеры»²³, то летом 1937 г. все ограничения были сняты. Поверженного И.Д. Кабакова уже можно было называть «идиотом» и «извергом»²⁴. Секретарь горкома считал, что нерадивых коммунистов «... бить надо колуном между лопатками»²⁵. Партийцы не гнушались площадной брани, чтобы выразить свои гневные чувства. Кое-кто из них, видимо, несколько стесняясь такого яркого проявления чувств, пытался рационализировать собственную несдержанность: «Беспристрастный большевик – это белая ворона»²⁶.

Лозунг момента был – проверять всех. «Настороженность партии к каждому члену основательна», – утверждал бывший секретарь Пермского горкома²⁷.

Вот характерный диалог на заседании бюро горкома в Перми. Директора завода им. Дзержинского спрашивают, не враг ли главный инженер этого завода. Тот отвечает: «На сегодня я не имею данных, чтобы утверждать, что Далингер – враг, таких данных я не имею, но я насторожился, я ему не верю полностью, вот мое второе заявление по этому вопросу на бюро горкома»²⁸.

Бдительные партийцы обращали внимание на сомнительное выражение лица, на перепады настроения своих товарищей: «Совершенно непонятно, почему Чернов резко волнуется при каждом разоблачении врагов народа, <...> побледнеет и, не говоря ни слова, уходит, совершенно не разговаривает об этом с коммунистами или переводит разговор на другую тему»²⁹, даже на подозрительную мимику: «Когда Кайдалова, враг народа, критикует работу Мальшева, он сидит и мигает Кайдаловой. В партийной практике такого мигания не бывает»³⁰.

В партийные комитеты потоком шли заявления, часто совершенно нелепые, о подслушанных разговорах (один рабочий передал слова другого рабочего, который слышал от красноармейца, отдыхавшего «на полатах», как к хозяину дома пришел гость и сказал: «Мы вот убили Кирова, отравили Орджоникидзе и в ближайшее время угробим т. Сталина»³¹), сомнительных лицах, готовящихся террористических актах, разъезжающих в трамвае шпионах и пр. Их аккуратно подшивали в папки, проводили расследования, переправляли в органы НКВД. В них тоже поменялись методы: подследственных стали бить. Именно тогда в здании УНКВД видели Мальцева, которого «...вели по коридору под руки избитого, лицо было окровавлено». А он кричал: «Что вы делаете, чекисты?»³².

Такая синхронность в действиях партийных комитетов и отделов НКВД не является случайной. Речь шла о едином процессе деперсонализации подвергнутых репрессиям членов ВКП(б). Когда просматриваешь протоколы партийных собраний и допросов, близкие по времени, создается впечатление, что читаешь один и тот же текст. Следователи в качестве улики используют обвинения и упреки, прозвучавшие на собраниях, политическое преступление – так называлась с августа 1936 г. любая форма участия в партийной оппозиции – расписывается по пунктам статьи 58 УК РСФСР, тщательно выясняются оттенки политических и бытовых высказываний: называла ли такая-то такого-то «настоящим большевиком», что именно имела в виду, от подследственного добиваются признания в «двурушничестве»: в тайном троцкизме или в принадлежности к правым в ВКП(б). Быть троцкистом или правым одновременно означало быть террористом. Вообще принадлежность к троцкизму долгое время была прерогативой исключительно членов партии³³. После появления темы вредительства на партийных собраниях и в партийной печати сотрудники НКВД все чаще применяют пункт 7 статьи 58 при предъявлении обвинений. Возникает система сообщающихся сосудов: показательные политические процессы формируют содержание партийной активности, в

свою очередь, партийные разоблачения становятся основой для уголовного преследования. Партийный язык сохраняет доминирующее положение в следственных практиках. Сотрудники органов НКВД оперируют словесными оборотами партийных документов, используют политическую лексику газетных кампаний, обращаются к сталинским формулировкам. Главенство партийного языка – весомое доказательство сохранения руководящей роли ВКП(б) в Большом терроре.

Впрочем, примат партийности не распространялся в 1936 – 1938 гг. ни на местные партийные организации, ни на рядовых членов партии. Партийные ритуалы служили образцом и для чиновников карательного ведомства, и для их жертв.

В ходе террора произошло не только опустошение партийных организаций³⁴, но и разрушение каких бы то ни было внутренних связей в них: члены партии перестали доверять кому бы то ни было, прежде всего своим товарищам. И, когда в 1938 г. был вновь открыт прием в партию, оказалось сложным восстановить уставную процедуру выдачи рекомендаций желающим. «Есть такие члены партии, никак не хотят поручаться», – жаловался секретарь парткома завода им. Дзержинского (г. Пермь)³⁵. В г. Чусовом партиец объяснил товарищу по работе, подошедшему к нему за рекомендацией: «Сначала мы тебя проверим через органы НКВД, а потом я решу вопрос о даче рекомендации»³⁶.

Поставим вопрос: какой политический смысл был в этой кампании по уничтожению коллективного прошлого, разрушению сложившихся репутаций, в конечном счете, приводивших к сомнению или даже к утрате партийцами собственной идентичности, поскольку их вожди вдруг показали «звериное лицо», по удачному выражению одного оратора. Тем более что вся кампания проходила в общественном окружении, только поверхностно затронутым новой большевистской культурой, ее символами и ценностями³⁷.

Можно предположить, что эти наполненные атмосферой страха, ненависти и сомнений многочасовые собрания, где во взаимных обвинениях и неубедительных самооправданиях гибли репутации и ломались судьбы, по замыслу их инициаторов служили дисциплинарной школой для своихвольных партийцев, забывших большевистские заповеди, вовлеченных в паутину патрон-клиентских связей, мнивших себя привилегированным классом советского общества. Высшая партийная власть попыталась таким способом восстановить порядок в своей политической армии, погасить очаги разложения, заменить нерасторопных или честолюбивых командиров, вернуть рядовым представление о долге. В итоге партийцы оказались в экзистенциальной ситуации выбора – фальсифицировать собственное «Я» или погибнуть.

Примечания

¹ Протокол допроса Кривоногова Николая Николаевича. г. Молотов. 31 08 1956 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д.13678. Л.55. Мальцев Михаил Владимирович (1897–1937) до ареста секретарь Чусовского горкома ВКП(б) Свердловской области [Политические..., 2004, с.498].

² «Ключ к разгадке, а не саму разгадку», – поправляет его Фр. Нерар, выставляющий батарею аргументов, в том числе психологического характера, против такой односторонней трактовки событий, исключающей социальный контекст террора [Nérard, 2009].

³ Стенограмма заседания VIII-го Пленума Городского комитета ВКП(б). Т.1. 25 – 26 марта 1937 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1352. Л.135.

⁴ Протокол №3 общего партийного собрания парторганизации при Кизеловском Горотделе НКВД. 26 07 1938 // ПермГАНИ. Ф.262. Оп.1. Д.82. Л.48.

⁵ Протокол XVII городской партийной конференции. г. Чусовой. 15 05 1938 // ПермГАНИ. Ф.1241. Оп.1. Д.272. Л.5.

⁶ Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока. Обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б). Экз. №4945. Сов.секретно. 29 07 1936 // ПермГАНИ. Ф.231. Оп.1 Д.5. Л. 7об.

⁷ В партийной печати и на собраниях февральско-мартовский пленум рассматривался как важнейшее событие в истории ВКП(б). «Наша партия решения февральского Пленума причисляет к решениям съезда совершенно правильно, ибо эти решения делают значительный поворот в политической жизни страны». Стенограмма общезаводского партийного собрания Сталинского района. 13 – 17 04, 19 – 27 04 1937 // ПермГАНИ. Ф.817. Оп.1. Д.47. Л.6.

⁸ Стенограмма пленума Пермского городского комитета ВКП(б). 23 06 1937 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1358. Л.24. Связи могли быть разными, например, игра в шахматы с видным оппозиционером. В перечне преступлений перед партией А.Г. Баранова – начальника инспекции качества завода №19 (г. Пермь) – находим «близкие связи с одним из организаторов троцкистско-зиновьевского блока, руководителем право-левацкого блока

– Ломинадзе». Постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого. 14 09 1936 // ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.14399. Л.49. Члены парткома никак не могли поверить, что Ломинадзе просто с ним в шахматы играл: «Мы с ним сошлись на шахматной почве. Я был лучшим шахматистом завода, он мне мало чем уступал. Поэтому мы очень много играли, в т.ч. у него на дому. О политике мы мало, и я не помню, в частности, ничего, что позволяло мне предположить, что он все еще оппозиционер». Баранов – Морзо. 27 08 1936. Машинопись. Копия //ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.14399. Л..65.

⁹ Протокол допроса Бергера Бориса Ароновича. 17 ноября 1936//ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.14713. Л.46об.

¹⁰ Стенограмма актива партийных организаций г.г. Перми и Молотово. 21 12 1936//ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д.1133. Л.7.

¹¹ Стенограмма общезаводского партийного собрания Сталинского района. 13–17 04, 19–27 04 1937 // ПермГАНИ. Ф.817. Оп.1. Д.47. Л.38.

¹² Протокол №20 заседания пленума Парткома зав. им. Сталина. 26 августа 1936 // ПермГАНИ. Ф.817. Оп.1. Д.62.Л.47.

¹³ Протокол допроса Бергера Бориса Ароновича. 17 ноября 1936 // ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.14713. Л. 46 об.

¹⁴ Протокол собрания партийного актива Сталинской райпарторганизации г. Перми. 17 01 1937 // ПермГАНИ. Ф.817. Оп.1. Д.46. Л.3.

¹⁵ Протокол №25 заседания Бюро Пермского городского комитета ВКП(б). 13 04 1937 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1365. Л.23.

¹⁶ Протокол допроса свидетеля Барановой Софьи Игнатьевны // ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.14399. Л.78.

¹⁷ Протокол допроса обвиняемого Матвеева Григория Федоровича. 11 августа 1936. Машинопись //ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.12835. Л.7.

¹⁸ Архивная выписка из протокола №8 заседания бюро Пермского городского комитета ВКП(б). 22 08 1936// ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.12835.Л.97.

¹⁹ Стенограмма VI городской партийной конференции. 25 – 26 05 1937. Т.1 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1333. Л.78.

²⁰ Юрий Леонидович Пятаков (1890–1937) – первый заместитель Наркома тяжелого машиностроения С. Орджоникидзе в 1934 – 1936 г., член ЦК ВКП(б). Обвиняемый на процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра» в январе 1937 г. Расстрелян.

²¹ Иван Дмитриевич Кабаков (1891 – 1937) – в течение 8 лет занимал должность первого секретаря Уральско-го (Свердловского) обкома, был членом ЦК ВКП(б). В номенклатурных кругах имел репутацию «хозяина Урала». Арестован в мае 1937. Расстрелян 3 октября 1937 г.[Сушков, 2013].

²² «По моему мнению, выступление г. Золотарева не точное. Он работал на Дальнем Востоке с Пшеницыным, так вот, не пшеницынский ли он хвост, не Пшеницын ли вас поставил в Пермскую организацию. Вот что надо было сказать на конференции, а вы 9 месяцев сидели, даже чай Пшеницыну проверяли, не насыпал ли кто яду, а надо было насыпать ему яду», – высказывал сомнения в партийности секретаря Ленинского РК ВКП(б) один из делегатов пермской городской конференции. Стенограмма VI городской партийной конференции. 25 – 26 05 1937. Т.1// ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1333. Л.67. Константин Федорович Пшеницын (1892 – 1937) – в 1935 – 1937 гг. второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б), застрелился 23 мая 1937 г. Посмертно объявлен врагом народа [Сушков, 2008].

²³ Стенограмма заседания VIII-го Пленума Городского комитета ВКП(б). Т.1. 25 – 26 марта 1937// ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1352.Л. 73.

²⁴ Стенограмма VI городской партийной конференции. 25 – 26 05 1937. Т.1// ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1333. Л.67.

²⁵ Стенограмма V-го пленума Пермского городского комитета ВКП(б). 17 11 1937 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1362. Л.122.

²⁶ Заседание партийного актива пермской городской партийной организации. 29 03 1937//ПермГАНИ. Ф.1 Оп.1. Д.1375.Л.12.

²⁷ Там же. Л.8.

²⁸ Протокол №49/14 заседания Бюро Пермского городского комитета ВКП(б). 27 07 1937 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1366. Л.137об.

²⁹ Завирохин – Озерову 7. 06.1937 // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп.1. Д.1187.Л.25.

³⁰ Стенограмма VI городской партийной конференции. 26 – 27 05 1937. Т.2// ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1334. Л.39.

³¹ Бурмантов – Лосос. Информация. 10 03 1937//ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д.1431.Л.1.

³² Протокол допроса Кривоногова Николая Николаевича // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д.13678. Л.56.

³³ Начальник Пермского горотдела НКВД летом 1938 г. разъяснял своему подчиненному, «что от Гасельника должны быть показания только как от шпиона, а не как троцкиста. При этом Легоцкий заметил мне, что как мог беспартийный Гасельник состоять членом правотроцкистской организации». Выписка из протокола допроса Королева Павла Михайловича. 25 июня 1938 года//ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.12267.Л.122. Семен

Абрамович Гасельник (1904 – 1938), до ареста главный механик завода №19 им. Сталина (г. Пермь).

³⁴ В ходе обсуждения тезисов доклада XX съезду КПСС в Президиуме ЦК М.А. Суслов напомнил, как «Сталин Двинскому говорил – 10 – 15 чел[овек] на р[айо]н осталось – и хватит» [Рабочая..., 2000, с.309].

³⁵ Стенограмма V-го пленума Пермского городского комитета ВКП(б). 17 11 1937 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 1362. Л.6.

³⁶ Ахлюстин и др. – Глазунову В.Н. Докладная записка о результатах проверки перестройки партийной работы Чусовской городской партийной организации. 8 – 18 05 1939. Черновик // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.22. Д.12. Л.18.

³⁷ Вот характерный пример: «Первичная организация Горвнторга приняла в сочувствующие двух человек. И когда мы стали спрашивать, так они ни Сталина, ни Молотова не знают. Висит у них Ленин и Сталин, и они не видели эти портреты. Когда им сказали, что у Вас есть портреты, они говорят: “Они ведь высоко висят, не видно”. А ведь этим людям 22 года, они ничего общего со старым не имеют. Они воспитаны в нашем духе. Их спрашивают – в клуб ходите? “Да”, западные танцы знаете? “знаем”, а вот Сталина не знают». Стенограмма VII пленума Горкома ВКП(б). 3 03 1937. Т.2 // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д.1350. Л.66 – 67.

Библиографический список

Блюм А. Администраторы, научные элиты и отношения с властью // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения: матер. междунар. науч. конф. Москва, 5 – 7 декабря 2008 г. М., 2011.

Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А. И. Пигалева. М., 2010.

Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010.

Доклад И.В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). 3 марта 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937 – 1938. М., 2004.

Колдушко А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий // Включен в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937 – 1938 гг. М., 2009.

Политические репрессии в Прикамье. 1918 – 1980 гг.: сб. док. и матер. Пермь, 2004.

Рабочая протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС о возможности рассмотрения на XX съезде партии вопроса о культе личности Сталина. 1 февраля 1956 г. // Реабилитация: как это было. Т.1. Март 1953 – февраль 1956. Документы. М., 2000.

Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1995.

Сушков А. В., Яркова Е. И. «Я не враг народа»: Документы о причинах самоубийства второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницына. 1937 г. // Истор. архив. 2008. № 3.

Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси: Провинциальный лит.-худ., ист.-краевед. журнал [г. Екатеринбург]. 2013. № 6 (92), август. Спецвыпуск «Екатеринбург–Свердловск–Екатеринбург».

Устав Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). URL: www.hrono.ru/vkpb_17/pril_2.html (дата обращения: 01.02.2015).

Halfin I. Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University. Pittsburgh, 2009.

Kriegel A. Les Grands Procès dans les systèmes communistes. La Pédagogie infernale (= Collection idées). Paris, 1972.

Nérard Fr.-X. « Igal Halfin, Stalinist Confessions », Cahiers du monde russe [En ligne], 50/4 | 2009, mis en ligne le 11 janvier 2011, Consulté le 08 février 2015. URL: <http://monderusse.revues.org/7182> (дата обращения: 30 01 2015).

Дата поступления рукописи в редакцию 08.02.2015

CONFESSION, PREACHING AND REVELATIONS AT PARTY MEETINGS, 1936–1938

O. L. Leibovich

Perm State Institute of Culture, 614000, Gazety «Zvezda» str., 18, Perm, Russia
oleg.leibov@gmail.com

The paper analyses the status of party meetings during the Great Terror (1936–1938) on the basis of archival materials. According to the author's hypothesis, confession, preaching and revelations at party meetings were a model of terror practices of 1936–1938. Party meetings, which have preserved the statutory form, radically changed their

function: from the tool of normalization they have turned into an instrument of political self-destruction. The whole campaign took place among people who were only superficially affected by the new Bolshevik culture, its symbols and values. Party meetings turned to the field of hunting enemies of the people within the party. Varying scenarios of the power can be found in their political narrative. The language of party meetings and the language of investigation documents of the time show a far-reaching similarity: in vocabulary, topics, and moral judgements. That was a universal language of power. The primacy of the party language is a strong evidence of maintaining leadership of the CPSU (b) in the Great Terror. There was a renewal of political language with expressive vocabulary and with renaming events and actions (for example, participation in opposition – a crime against the party; conciliation – double-dealing; lack of self-criticism – sycophancy, etc.). New terror discourse, repeated in the fractures and collapses of arrayed social ties, put party members in a border existential situation: to be witnesses and accomplices of the destruction of the collective past and, ultimately, their own identity, or to put obstacles to that pernicious process.

Key words: Great Terror of 1936–1938, CPSU (b), party meetings, language of power.

References

- Blyum A. Administratory, nauchnye elity i otnosheniya s vlast'yu. *Istoriya stalinizma: Itogi i problemy izucheniya: mater. mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 5 – 7 dekabrya 2008 g.* M., 2011. S.78–91.
- Vert N. Terror i besporjadok. Stalinizm kak sistema / per. s fr. A. I. Pigaleva. M., 2010.
- Goldman V.Z. Terror i demokratiya v epokhu Stalina. *Sotsial'naya dinamika repressiy.* M., 2010.
- Doklad I.V. Stalina na fevral'sko-martovskom plenum TsK VKP(b). 3 marta 1937 g. *Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti. 1937 – 1938.* M., 2004.
- Koldushko A. Rol' partiynykh organov v osushchestvlenii massovykh repressiy. *Vklyuchen v operatsiyu. Massovy terror v Prikam'e v 1937 – 1938 gg.* M., 2009. S.104–114.
- Politicheskie repressii v Prikam'e. 1918 – 1980 gg.: sb. dok. i mater. Perm', 2004.
- Rabochaya protokol'naya zapis' zasedaniya Prezidiuma TsK KPSS o vozmozhnosti rassmotreniya na XX s'ezde partii voprosa o kul'te lichnosti Stalina. 1 fevralya 1956 g. *Reabilitatsiya: kak eto bylo.* T.1. Mart 1953 – fevral' 1956. Dokumenty. M., 2000. S. 308 – 309.
- Rogovin V.Z. *Stalinskiy neonep.* M., 1995.
- Sushkov A. V., Yarkova E. I. «Ya ne vrag naroda»: Dokumenty o prichinakh samoubiystva vtorogo sekretarya Sverdlovskogo obkoma VKP(b) K. F. Pshenitsyna. 1937 g. *Istor. arkhiv.* 2008. № 3. S. 110–129.
- Sushkov A. Krakh «imperii tovarishcha Kabakova»: sverdlovskoe rukovodstvo v politicheskikh vodovorotakh 1937 goda. *Vesi: Provintsial'nyy lit.-khud., ist.-kraeved. zhurnal* [g. Ekaterinburg]. 2013. № 6 (92), Avgust. Spetsvypusk «Ekaterinburg–Sverdlovsk–Ekaterinburg». S. 46–84.
- Ustav Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov). URL: www.hrono.ru/vkpb_17/pril_2.html (data obrashheniya: 01.02.2015).
- Halfin I. *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University.* Pittsburgh, 2009.
- Kriegel A. *Les Grands Procès dans les systèmes communistes. La Pédagogie infernale (= Collection idées)* Paris, 1972.
- Nérard Fr.-X. «Igal Halfin, Stalinist Confessions», *Cahiers du monde russe* [En ligne], 50/4 | 2009, mis en ligne le 11 janvier 2011, Consulté le 08 février 2015. URL: <http://monderusse.revues.org/7182> (30 01 2015).